

Двухдневный спортивный фестиваль подошёл к концу, оставив после себя лишь лёгкое чувство грусти и недосказанности.

В итоге первый класс занял седьмое место в общем зачёте на параллели.

Пусть результат был не самым высоким, но по сравнению с прошлыми двумя годами, когда им была уготована жалкая участь плестись в самом хвосте, это был колоссальный шаг вперёд. Все остались весьма довольны таким исходом, заставив учеников из соседнего второго класса отличников кусать локти от зависти.

После этой битвы Лу Чжэнь окончательно утвердился в умах одноклассников как гений, одарённый и умом, и физической силой. Его прозвище эволюционировало из обычного «бога учёбы Лу» в ультимативное «бог Лу».

Приняв во внимание, что ребята только что пережили два дня тяжелейшей борьбы и израсходовали колоссальное количество физических и душевных сил, руководство Третьей школы проявило редкую гуманность: сегодняшнюю вечернюю самоподготовку отменили.

Учителя велели всем идти напрямик домой, хорошенько отдохнуть, набраться сил и уже завтра со свежей головой вернуться к учёбе.

К моменту окончания уроков солнце на западе уже скрылось за горными вершинами. Закат окрасил улицы в нежные розовато-оранжевые тона, до неузнаваемости растягивая тени прохожих.

Цяо Муюй, крутившийся волчком весь день, знатно вспотел, поэтому первым делом по возвращении домой он отправился под горячий душ.

В тесной ванной комнате зашумела вода, и совсем скоро помещение затянуло густым дымчатым паром.

Горячие струи плавно стекали по линиям его тела. Намыливая ноги, он случайно перевёл взгляд на бедро, где красовался тот самый бледно-розовый шрам. Цяо Муюй аккуратно провёл по нему пальцами: подушечки ощутили слегка неровную текстуру кожи, но никакой боли там уже давно не было.

Возможно, из-за того, что сегодня днём они как раз завели разговор об этой отметине, Цяо Муюй впервые за долгое время вспомнил свои детские годы в приюте.

Директор, которую все звали просто «мама-директор», рассказывала, что нашла его прямо у ворот детского дома, когда он был ещё совсем крошечным младенцем в пелёнках. Так что, сколько он себя помнил, он всегда был частью этого места.

Кем были его биологические родители и живы ли они вообще — он не имел ни малейшего представления.

Сам того не заметив, он прожил в детском доме целых семь лет.

Условия жизни там оставляли желать лучшего. Восемь ребятишек теснились на одних больших общих нарах. Летом донимали полчища мошкеры и комаров, а в грозные ночи в округе то и дело отключали свет.

Тот день выдался как раз такой душной грозной ночью в самый разгар лета.

Посреди ночи Цяо Муюй проснулся от сильного желания сходить в туалет. Он приподнялся, чтобы нащупать на прикроватной тумбочке фонарик, но тот оказался полностью разряжен. Ему ничего не оставалось, кроме как полезть в шкаф и отыскать там старый, обгоревший наполовину огарок свечи.

Едва он чиркнул зажигалкой и зажжёт фитиль, как вдруг уловил за спиной едва слышные, приглушённые всхлипы, доносившиеся, судя по всему, с самой угловой кровати.

Цяо Муюй удивлённо склонил голову набок, пытаясь сообразить, в чём дело. Если память ему не изменяла, там спал их новый товарищ, который попал в детский дом только сегодня — мальчик одного с ним возраста.

Поговаривали, что его родители несколько дней назад трагически погибли в автокатастрофе. Родственники посчитали мальчишку ходячим проклятием, приносящим несчастья, и никто не захотел брать его к себе, поэтому его просто сплывили в приют.

После того как мама-директор привела его в спальню, он не проронил ни слова: просто сидел один, низко опустив голову, и весь день безучастно смотрел в пустоту. Когда другие дети пытались с ним заговорить, он никак не реагировал, демонстрируя всем свой угрюмый и нелюдимый нрав.

Видя, что тихий плач и не думает прекращаться, Цяо Муюй невольно забеспокоился. Придерживая свечу, он на цыпочках направился к углу.

В слабом, колеблющемся оранжевом свете пламени он разглядел маленькую фигурку, которая с головой накрылась подушкой. Малыш сжался в клубок, словно испуганный котёнок, а его плечи мелко дрожали от беззвучных рыданий.

Цяо Муюй присел на край кровати, осторожно похлопал его по плечу и спросил:

— Эй, ты чего?

Мальчик робко высунул голову из-под подушки. В его тёмных, влажных глазах всё ещё блестели слёзы, а сам он выглядел так жалобно, что сердце сжималось.

Видя это, Цяо Муюй поспешил спросить:

— Ты заболел? Где-то болит? Хочешь, я пойду и позову маму-директора?

Мальчик замотал головой, посмотрел на Цяо Муюя и, немного поколебавшись, тихо-тихо выговорил:

— Я... я боюсь грома. И темноты тоже боюсь.

Цяо Муюй на секунду застыл, а затем не выдержал и прыснул со смеху:

— Да чего бояться-то? Ты же в комнате не один, нас тут целых восемь человек спит.

— Но... — мальчик смущённо замялся, — я в туалет хочу.

— Подумаешь, дело-то какое! Мне как раз тоже надо, пошли вместе, я тебя проводить могу.

Глаза мальчишки слабо зажглись, и он переспросил, желая удостовериться:

— Правда?

Цяо Муюй протянул ему руку:

— Угу, правда. Пошли со мной.

Мальчик вытер слёзы в уголках глаз, схватился за его ладонь и поднялся. Но стоило им обоим свесить ноги с кровати, как за окном с грохотом расколола небо ослепительная молния.

Бум-турурум!

От неожиданности мальчик сильно вздрогнул, резко шарахнулся в сторону и случайно выбил свечу из рук Цяо Муюя. Пламя судорожно метнулось, и обжигающий, расплавленный воск бесконтрольно вылился напрямиком на обнажённое бедро Цяо Муюя.

— Ай! Горячо, горячо, горячо! — от нестерпимой боли Цяо Муюй вскрикнул и, словно напуганный заяц, принялся скакать на месте, пытаясь стряхнуть с ноги липкий воск.

Мальчик, осознав, что натворил глупостей, от чувства вины громко разревелся: «Уа-а-а!»

Цяо Муюй моментально зажал ему рот ладонью и шикнул, заставляя замолчать:

— Да не реви ты, не реви! Я-то сам не плачу! Ты же так всех остальных разбудишь!

Опасаясь, что шум привлечёт внимание, Цяо Муюй, стиснув зубы и наплевав на боль, быстро потащил мальчишку за собой в коридор.

Они добежали до туалета. При свете поднятой свечи Цяо Муюй принялся непрерывно поливать место ожога холодной водой из-под крана. Лишь когда жгучая боль полностью утихла, он перекрыл воду.

Мальчик подошёл поближе. Увидев, что кожа на бедре сильно облезла, обнажив ярко-красную мякоть, он испугался: выглядело это действительно жутко.

Ему было и жалко друга, и совестно за свой поступок:

— Так нельзя, шрам же останется. Давай всё-таки пойдём и расскажем маме-директору, пускай она отвезёт тебя в больницу.

— Эй, даже не думай, — Цяо Муюй удержал его за руку, — время-то какое позднее, да ещё и ливень стеной на улице. Мама-директор и так каждый день пашет на износ, я не могу ещё и из-за этого доставлять ей проблемы.

— Но...

— Честно, не надо. Мне уже совсем не больно, видишь?

Мальчик с недоверием протянул руку и слегка коснулся раны пальчиком, отчего Цяо Муюй тут же судорожно втянул в себя воздух:

— С-с-с!..

У мальчишки снова глаза намокли, он опять принялся размазывать слёзы по лицу и, всхлипывая, запричитал:

— Прости меня... Это всё из-за меня, у-у-у... Из-за меня у тебя теперь останется такой уродливый шрам...

Цяо Муюй больше всего на свете не выносил, когда другие дети плакали, поэтому поспешил

его утешить:

— Да почему уродливый? Мне так совсем не кажется, — он немного подумал, поднёс свечу поближе к бедру и пальцем принялся аккуратно обводить контуры красной отметины, — ты присмотришься хорошенько. Разве она не похожа на маленькую рыбку?

Услышав это, мальчик перестал плакать и уставился на его ногу. Следуя за траекторией пальца Цяо Муюя, он сквозь боль разглядел совершенно иную сторону этой отметины.

— И правда... Похожа на рыбку, — невольно обрадовался он.

Видя, что тот наконец-то успокоился, Цяо Муюй испытал колоссальное облегчение и сам улыбнулся. Атмосфера вокруг них мгновенно сделалась лёгкой и непринуждённой.

Справив нужду, они, бережно неся свечу и держась за руки, медленно побрели обратно в спальню.

За окном гроза уже утихла, оставив после себя лишь мерный, убаюкивающий шум дождя.

— Как тебя зовут? — спросил Цяо Муюй.

— Лу Чжэньчжэнь, — ответил мальчик.

— Чжэньчжэнь? — Цяо Муюй не сдержался и прыснул со смеху, — какое милое имя, звучит прям как девчачье.

Лу Чжэньчжэнь не обиделся, лишь со вздохом, в котором сквозило привычное смирение, пояснил:

— Моя мама говорила, что когда ходила мной беременная, была уверена, что родится девочка. Вот и придумала такое имя заранее.

— А твой папа что, не был против?

— Мой папа — подкаблучник. Он всегда слушается маму во всём.

— Подкаблучник? А это как? — не понял Цяо Муюй.

— Да я и сам не знаю, просто другие люди так всегда называют моего папу, а мама говорит, что это его так хвалят, — бесхитростно выдал Лу Чжэньчжэнь, — ну, раз хвалят, значит это что-то хорошее. Я когда вырасту, тоже обязательно стану подкаблучником, прямо как мой

папа.

Случайно заговорив о родителях, Лу Чжэньчжэнь лишь мгновение спустя осознал потерю, и его лицо тут же помрачнело.

Заметив это, Цяо Муюй захлопал ресницами и поспешил сменить тему:

— Эх, везёт тебе. У тебя есть имя, которое тебе дали твои собственные мама с папой. А моё нынешнее имя мне дала мама-директор.

Лу Чжэньчжэнь спросил:

— И как же тебя зовут?

— Меня зовут Сун Юй, у меня фамилия как у мамы-директора. А ребята зовут меня просто Рыбкой, — улыбнулся Цяо Муюй, — раз уж мы теперь знаем имена друг друга, давай с этого дня будем друзьями.

Лу Чжэньчжэнь серьёзно кивнул головой, а затем тихонечко спросил:

— А можно я ночью лягу спать рядом с тобой?

Цяо Муюй без раздумий согласился:

— Конечно можно! Можешь даже спать со мной в обнимку, я не против!

Лу Чжэньчжэнь посмотрел в его сияющие глаза и впервые за долгое время искренне и лучезарно улыбнулся.

За окном всё ещё капал дождь, но в его личном мире тучи наконец-то рассеялись.

С тех пор прошло много лет. Цяо Муюй уже очень давно не вспоминал о том мальчике, который в детстве так любил спать с ним в обнимку. Даже его черты лица со временем стёрлись из памяти под воздействием неумолимого течения времени.

Он лишь смутно помнил, что Лу Чжэньчжэнь пробыл в приюте всего пару месяцев, после чего его заметила и усыновила молодая обеспеченная пара. Он стал тем, кто провёл в детском доме меньше всего времени, и такая сказочная удача вызывала дикую зависть у многих тамошних ребяташек.

Как верный друг, Цяо Муюй искренне радовался за него, хотя и не мог не погрузиться какое-то время в одиночестве.

К счастью, той же зимой в приют приехал Цяо Юндэ с супругой и забрал его к себе.

Пусть семья Цяо жила весьма скромно, для обделённого родительским теплом Цяо Муюя иметь собственных, любящих папу и маму было пределом мечтаний. Ему казалось, что сказка стала явью, так что первые несколько дней в новом доме он от избытка чувств не мог сомкнуть глаз по ночам.

Цяо Муюй искренне верил, что это начало его счастливой жизни, но, увы, радость оказалась недолгой. На следующий год осенью приёмная мать скончалась от тяжёлой болезни, и приёмный отец, Цяо Юндэ, после этого резко изменился в лице, пристрастившись к алкоголю.

В один из дней, когда в стельку пьяный Цяо Юндэ набросился на него с кулаками и осыпал проклятиями, Цяо Муюй наконец узнал горькую правду: оказывается, его усыновление было лишь циничным расчётом.

Супруги Цяо прожили в браке много лет, но так и не смогли зачать ребёнка. Страстно желая обзавестись потомством, они перепробовали кучу врачей и народных методов, но всё впустую. В конце концов они доверились совету какого-то гадалки-мастера, который заявил: нужно просто усыновить сироту из приюта, чтобы «смыть неудачу и принести в дом радость», и тогда родной ребёнок не заставит себя ждать.

Но в итоге мало того, что младенец так и не родился, так ещё и приёмная мать скоропостижно ушла из жизни. Цяо Юндэ обезумел от горя и ярости и всю вину за эти несчастья трусливо переложил на плечи маленького Цяо Муюя. Он решил, что именно появление этого мальчишки принесло в дом проклятие и беды, а потому стал относиться к нему с крайней жестокостью.

Маленький Цяо Муюй не имел сил сопротивляться. Больше всего на свете он боялся, что Цяо Юндэ в порыве злости просто выставит его на улицу, и он снова превратится в никому не нужного приютыша. Поэтому он изо всех сил старался угодить своему приёмному отцу: когда его били — не поднимал руки для защиты, когда оскорбляли — молчал, да ещё и умудрялся заискивающе улыбаться, твердя, что отец всё делает правильно.

В своё время мама-директор говорила, что он — самый послушный и покладистый ребёнок во всём приюте, и именно поэтому Цяо Юндэ выбрал его.

Что ж, значит он станет самым идеальным и послушным приёмным сыном на свете, чтобы у отца просто не нашлось повода выбросить его на помойку...

Вода в нагревателе постепенно начала остывать. Приятная прохлада, коснувшаяся кожи,

помогла Цяо Муюю вынырнуть из пучины путаных мыслей.

Он протянул руку и крутанул кран. Вода стихла, и Цяо Муюй молча наблюдал, как скопившаяся на кафеле лужица вместе со всеми его постыдными и тяжёлыми воспоминаниями медленно уходит в тёмное нутро сливного отверстия, исчезая там навсегда.

<http://bllate.org/book/17258/1691446>